

Мотовилов в Симбирске

Мы рассматриваем знакомство и духовное единение Н.А. Мотовилова с преподобным Серафимом как посланное свыше. Этому способствовало нелегкое испытание. Таким испытанием для юноши стали козни симбирских помещиков и чиновников, которые привели к нервному срыву и тяжелому недугу. Так Мотовилу был указан путь в Дивеево. Об этом рассказывает в своей книге «Мотовилов в Симбирске» профессор Владимир Иванович Мельник. Отрывок из книги мы предлагаем вниманию наших читателей.

Николаю Александровичу Мотовилу шел в то время всего лишь семнадцатый год. Уже в этом раннем возрасте завязались первые сложные узлы в его судьбе. Кошмаром его жизни стал известный не только в Симбирске, но и в России, и в Европе масон М.П. Баратаев. Представим слово самому Мотовилу: «...оставшись круглым сиротой 17 лет от роду, имея сестру Прасковью, пятнадцатилетнюю, я через друга матушки моей, Надежду Ивановну Саврасову, вскоре познакомился с Симбирским губернским предводителем, князем Михаилом Петровичем Баратаевым и вскоре сблизился с ним до того, что он открыл мне, что он грандметр ложи Симбирской и великий мастер Иллюминатской Петербургской ложи. Он пригласил меня вступить в число масонов, уверяя, что если я хочу какой-либо успех иметь в государственной службе, то, не будучи масоном, не могу того достигнуть ни под каким видом.

Я отвечал, что батюшка, родитель мой, запретил мне вступать в масонство, затем, что это есть истинное антихристианство, да и сам я, будучи в университете и нашедши книгу о масонах, в этом совершенно удостоверился... Это так разозлило его..., что он поклялся мне, что я никогда и ни в чем не буду иметь успеха, потому что сетями масонских связей опутана не только Россия, но и весь мир.

Вскоре после того вышел закон, что-бы молодые люди, хоть и окончившие курс учения и получившие дипломы на ученые степени в высших учили-

щах, не имели бы права отправляться на службу в столицу, а должны были бы три года послужить в губернии будто бы для ознакомления с процедурой провинциальной службы. Срезанный на первых порах с ног, я, как говорится, сел как рак на мели».

Князь не хвастал: он действительно был весьма могущественен. Его стараниями в 1817 году в Москве была открыта ложа «Александра к тройственному спасению», а в том же году, в Симбирске – ложа «Ключ к добродетели». Князь являлся членом привилегированной петербургской ложи «Соединенных друзей», в которую входил и симбирский губернатор А.М. Загряжский. Пользуясь большим уважением, он привлек в ложу «Ключ к добродетели» многих представителей симбирского общества... В эту ложу, весьма влиятельную, поступали не только из уездов Симбирской губернии, но и из соседних губерний. Так ценили «жаждущие славы мира сего» близость к Баратаеву...

Молодому выпускнику университета не по силам оказалось тягаться со сплоченным в Симбирске тайным обществом, в которое входили все видные провинциальные деятели и главные губернские чины. Вступление Мотовилова в должность по службе отдалилось на долгих 14 лет. «В те времена дворянская честь требовала обязательной службы государству, - писал С. Нилус. - Молодой человек, кончивший курс своего учения, должен был непременно служить... Уклонение от службы отечеству считалось таким позором, что ни одна девушка

из порядочного семейства не пошла бы замуж за того, кто сколько-нибудь не прослужил в военной или гражданской службе Царю и Отечеству».

Видимо, еще до упомянутого разговора с главой масонской ложи Мотовилов выдвинул свою кандидатуру на должность почетного смотрителя Корсунского уездного училища и, к великой своей радости, получил от Совета Казанского университета и Училищного комитета сообщение об избрании.

Но уже в 1829 году Баратаев объявил Мотовилу: «Этой должности вам не видать, как своих ушей. И не только вы этой должности не получите, но не попадете ни на какую другую государственную должность, ибо и Мусин-Пушкин, и министр князь Ливен - подчиненные мне масоны. Мое приказание - им закон!»

«С этого момента началось преследование, - пишет далее С. Нилус о Мотовиле, - которое довело его в конце концов до такого нервного расстройства, что он заболел нервным ударом, приковавшим его к постели. В тяжких страданиях он промучился более трех лет. Его преследовали на службе, которой он, правда, все-таки добился, благодаря своей сверхъестественной энергии, помешали его браку с Языковой, создавали репутацию сумасшедшего и даже во времена губернатора А.М. Загряжского ухитрились подвергнуть личному задержанию по обвинению в государственной измене». В своих «Записках» Мотовилов пишет, что он «по поводу дел воронежских претерпел трехмесячный арест»: губернатор заподозрил, будто в Воронеже под предлогом открытия мощей святителя Митрофана находится тайное общество, а Мотовилов его агент, и потому требовал от него «безбожно оклеветать духовного благодетеля» архиепископа Антония. «Я, по завету родителя моего, - пишет Мотовилов, - завещавшего мне лучше в лапти обуться, да правды держаться и никогда не изменять истине..., решился на всевозможные страдания».

Свои «Записки» Мотовилов называл «благочестивым рассказом о действиях Промысла Божиего». Далее, как нам уже известно, духовный путь привел его в батюшке Серафиму...

Вид Саровской пустыни с северо-западной стороны.
Литография 1853 г.

